

ЖАН ВАРЛЕ во ВРЕМЯ ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Новая и новейшая история. № 2. С.112-126.

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

Французская революция 1789-1794 г. была революцией буржуазной. Это, однако, отнюдь не означает, что единственной и даже главной движущей силой этой революции была буржуазия. Буржуазное, по своему общественно-экономическому содержанию, освободительное движение, указывал В.И. Ленин, не обязательно является таковым по его движущим силам: движущими силами его могут быть не буржуазия, а пролетариат и крестьянство¹. Ф.Энгельс, касаясь специально вопроса о движущих силах Французской буржуазной революции, указывал на то, что «буржуа на этот раз, как и всегда, были слишком трусливы, чтобы отстаивать свои собственные интересы, и, таким образом, только... плебеи и совершили революцию»².

Эти мысли основоположников марксизма-ленинизма полностью подтверждаются всем имеющимся в распоряжении историка огромным документальным материалом. Марксистско-ленинской историографией Французской буржуазной революции бесспорно установлено, что наряду с частью средней и мелкой буржуазии города и деревни, политическим представителем которых являлась партия монтаньяров, или якобинцев, роль важнейшей движущей силы этой революции играли также те элементы, которых современники называли санкюлотами, а мы вслед за Энгельсом считаем правильнее называть плебейми. В состав этих плебейских масс входили: в деревне - сельская беднота, в городе - рабочие централизованной и рассеянной мануфактуры, ремесленные подмастерья и ученики, не эксплуатировавшие чужого труда мелкие самостоятельные ремесленники и торговцы, низы интеллигенции, люмпен-пролетарии и т.д. Наиболее ярким выразителем интересов плебейских масс эпохи Французской революции являлся Бабеф; до его выступления эту роль играли «бешеные», а после их разгрома - в известной степени также эбертисты.

Если, таким образом, плебейские массы Франции эпохи Великой революции являлись даже в значительно большей степени движущей силой этой революции, нежели революционная часть буржуазии, то вместе с тем нельзя не отметить, что объективная роль тех и других в буржуазной революции была неодинаковой. В то время как буржуазия совершала свою собственную революцию, плебейские массы, участвуя в революции, боролись в конечном счете за чужое для них самих дело. Результатом этого являлось то, что плебеи, как отмечал Ф.Энгельс, неминуемо вкладывали в революционные требования буржуазии такой смысл, которого там не было, делали из равенства и братства крайние выводы, ставившие эти лозунги наголову. Однако эти плебейские равенство и братство могли быть только мечтой в такое время, когда дело шло о том, чтобы создать нечто, прямо противоположное им. Поэтому плебейское понимание революционных лозунгов стало самым мощным рычагом осуществления своей противоположности - буржуазного равенства - перед законом - и братства - в эксплуатации³.

Таковы причины, неизбежно обрекавшие на поражение то дело, за которое боролись сначала «бешеные», а затем Бабеф. Однако неудача «бешеных» в их борьбе с якобинцами ни в какой степени не умаляет их исторической роли. Именно «бешеные» или, говоря точнее, руководимые ими плебейские массы своим давлением заставили якобинцев стать на путь той, как говорил Маркс, плебейской манеры расправы с врагами революции, которая одна только обеспечила победу этой последней. Именно движение «бешеных», подхвативших идеи *Cercle social*, а затем борьба сторонников Бабефа породили, по выражению Маркса, «коммунистическую идею, которая при ее дальнейшей последовательной разработке должна была стать идеей нового мирового порядка»⁴.

Настоящая статья посвящена деятельности одного только представителя группы «бешеных», и притом лишь на определенном этапе. Нам кажется, однако, что деятельность Жана Варле во время якобинской диктатуры представляет для историка, изучающего движение «бешеных», значительный интерес. Будучи виднейшим после Жака Ру представителем группы «бешеных», Варле оказался поздней осенью 1793 г. единственным членом группы, еще продолжавшим действовать на исторической сцене. В самом деле: хотя Жак Ру в это время был еще жив (он покончил с собой 10 февраля 1794 г.), но он сидел в тюрьме и газета его более не выходила; Т.Леклерк и Клара Лакомб со второй половины сентября 1793 г. прекратили свою политическую деятельность, что, впрочем, не спасло их от ареста весной 1794 г.

Жан Варле родился в Париже в 1764 г. в относительно состоятельной интеллигентной семье и получил среднее образование. К революции он примкнул с самого ее начала, но его первые публичные выступления в садах Пале-Рояля в 1791 г. и в Якобинском клубе в 1791 г. и в начале 1792 г. ничем не отличались от обычных речей представителей революционной буржуазии того времени⁵. Лишь в середине 1792 г. в мировоззрении Варле совершился переворот, заставивший его сойти с позиций классического якобинизма в духе Робеспьера и Сен-Жюста и сделаться одним из главных представителей группы «бешеных», наиболее ярких в то время выразителей интересов плебейских масс.

В отношении вождя «бешеных» Жака Ру мы располагаем довольно обширным документальным материалом, который позволяет установить, что переход Ру с позиций буржуазного демократизма на позиции плебейства являлся прежде всего результатом влияния, оказанного на него плебейскими массами секции Гравилье, среди которых он проживал⁶. В отношении Варле мы такого рода документов, к сожалению, не имеем. Однако даже немногочисленные источники, касающиеся взаимоотношений Варле с населением секции Сицилийского короля (впоследствии она была переименована в секцию Прав человека), на территории которой он жил⁷, вполне достаточны для вывода о том, что причины эволюции социальных взглядов Варле аналогичны тому, что мы наблюдаем у Жака Ру. И хотя секция Сицилийского короля по составу своего населения являлась менее плебейской, чем секция Гравилье⁸, однако сам Варле отмечал влияние, которое на него оказывало повседневное общение с плебейскими массами Парижа. «В течение четырех лет, - писал Варле, - неизменно находясь на общественных площадях, в толпах народа, в среде санкюлотов..., я понял, что... Витающие на чердаках бедняки рассуждают умнее и смелее, чем хорошо одетые господа, краснобаи, идущие ощупью ученые. Если они хотят найти истинное знание, пусть они, подобно мне, приблизятся к народу»⁹. Первым проявлением эволюции взглядов Варле явился его уход летом 1792 г. из Якобинского клуба (в состав которого входили тогда еще и жирондисты) и издание Жаном Варле в связи с этим брошюры под названием «План новой организации Центрального клуба друзей конституции»¹⁰. Правда, в этой брошюре Варле излагаются еще взгляды, роднящие его с представителями классического якобинизма. Такова, например, его вера в просвещение как фактор, содействующий устранению социального неравенства. Но самое главное в «Плане новой организации» Варле все же не то, что сближало его с монтаньярами, а то, что его от них отделяло: прежде всего та роль, которую он теперь отводил в революции неимущим.

Именно неимущие парижских предместий, которым Варле посвятил свою брошюру, совершили, по его мнению, революцию; «только там (в предместьях. - Я.З.) находится родина свободы»¹¹. Правда, отсутствие образования мешает неимущим выполнить до конца ту роль, которую они могли бы сыграть при иных, более благоприятных условиях. Но даже и в своем нынешнем состоянии неимущие все же являются лучшей частью французского народа, и Варле с восторгом противопоставлял бедного и добродетельного труженика парижских предместий развращенным и реакционным аристократам¹².

Из этих теоретических положений Варле целиком вытекали все практические предложения, содержащиеся в его «Плане новой организации Центрального клуба друзей конституции». Обвиняя якобинцев в том, что они слишком отделяют себя от других народных обществ, он предлагал, чтобы отныне никто не мог стать членом Якобинского клуба, не будучи предварительно членом какого-либо другого народного общества¹³. Тем самым чисто буржуазный состав тогдашнего Якобинского клуба оказался бы растворенным среди несравненно более демократического большинства членов других парижских клубов того времени, в частности клуба Кордельеров и тесно связанных с ним братских обществ обоих полов. Позиция, занятая Варле летом 1792 г., предопределила и его активное участие в революционном перевороте 10 августа 1792 г. и то, что в бурные дни августа и сентября он оказался на крайнем левом фланге революционной демократии. И действительно, Варле принимал самое деятельное участие в подготовке свержения монархии¹⁴, а затем, избранный своей секцией в число парижских выборщиков, избравших депутатов в Национальный Конвент, он выступил в конце сентября с проектом¹⁵, в котором наиболее ярко проявилась программа «бешеных».

Значение написанного Варле «Проекта специального и императивного мандата представителям народа в Национальном Конвенте» можно оценить, только имея в виду, что в то время и жирондисты и якобинцы объявляли себя сторонниками представительного строя, не уточняя его форм. Плебейские массы Парижа шли в этом вопросе дальше. Так, например, 1 сентября 1792 г. плебейская секция Пуассоньер в своей резолюции указывала, что «суверенный народ имеет право предписывать своим уполномоченным линию, которой они должны придерживаться»¹⁶. Прямым и логическим выводом из этого явилось решение, принятое 18 сентября секцией Прав человека (членом которой был Варле), что она оставляет за собой право отзывать депутатов, «которые при исполнении ими своих обязанностей дадут основание подозревать их в неблагонадежности»¹⁷. Не удивительно, что и сам Варле, отражая умонастроения тех неимущих, выразителем интересов которых он объявил себя еще ранее, в своем «Проекте специального и императивного мандата», прямо заявлял:

«В государстве, в котором народ является всем, первым актом его суверенитета должно быть избрание депутатов, а вторым - определение их полномочий и мандатов... Не может быть депутатов без полномочий и мандатов. Только этот принцип обезопасит нас от тирании законодателей»¹⁸.

Однако радикализм программы Варле, если сравнить ее с программой якобинцев, не ограничивался одной только политической областью. Он не менее ясно выражен и в отношении социально-экономических проблем. В то время как якобинцы в этих вопросах не шли, как известно, дальше довольно неопределенных пожеланий в духе руссоистского эгалитаризма, Варле в своем проекте, обращаясь к будущим депутатам Национального Конвента, писал:

«Формулируя пункты общественного договора, вы должны стремиться создать общину (une commune), всякий член которой должен получать лишь в меру того, что сь ей дает»¹⁹.

Правда, это свое смелое утверждение Варле сопроводил оговоркой, что он не имеет в виду упразднение крупных состояний, нажитых посредством тонких расчетов или смелых предприятий, и хочет лишь, чтобы частные состояния не создавались за счет народных бедствий посредством спекуляции, монополий и барышничества²⁰. Эта оговорка не позволяет считать предложение Варле последовательно социалистическим. Вместе с тем мысль Варле является одним из наиболее важных положений, выдвинутых «бешеными».

Таким образом, уже к концу 1792 г. Жан Варле являлся, наряду с Жаком Ру, одним из видных представителей группы «бешеных», наиболее точно выразивших в тот момент интересы плебейских масс Парижа. В 1793 г. Варле сыграл важную роль в борьбе этих масс против жирондистов. Не удивительно поэтому, что Варле, наряду с Эбером, Добсаном и некоторыми другими, вызвал к себе наибольшую ненависть со стороны Бриссо, Ролана и всех их приспешников. Об этом свидетельствует, например, то, что именно арестом Варле и Эбера конвентской Комиссией двенадцати в ночь на 25 мая 1793 г. жирондисты надеялись сокрушить своих противников. С другой стороны, главным требованием всех революционных секций Парижа 25-27 мая было требование освобождения Варле и Эбера. Характерно при этом, что секция Соединения мотивировала его тем, что «она берет Эбера и Варле под свою защиту, так как рабочие этой секции одержали сегодня победу над аристократами».²¹

2

Результаты восстания 31 мая - 2 июня 1793 г. столь же мало удовлетворили Варле, как и остальных «бешеных». Причины этого понять нетрудно. Если «бешеные» сыграли решающую роль в подготовке свержения жирондистов, то объясняется это тем, что изгнание из Конвента бриссотинских вождей представлялось плебейским массам лишь первым необходимым условием для осуществления их основных требований. Этими требованиями были: в области экономической - так называемый «максимум», т.е. таксирование важнейших продуктов и товаров первой необходимости и решительная борьба со спекуляцией; в области политической - переход к системе массового революционного террора против всех контрреволюционеров, террора, который один только мог обеспечить революции победу над объединявшимися внутренними и внешними ее врагами. Однако якобинцы, победившие жирондистов при поддержке «бешеных», не слишком спешили осуществить то, что их союзникам вчерашнего дня казалось логическим и неизбежным выводом из этой победы. Изданный еще при жирондистах закон 4 мая о максимуме на хлеб и зерно лишь в небольшой степени соответствовал нуждам и чаяниям плебейских масс. А репрессивные меры, принятые руководимым Дантоном первым Комитетом общественного спасения против исключенных из Конвента жирондистских лидеров, были таковы, что каждый, кто желал, мог немедленно бежать из столицы, чтобы начать подготовку в провинции контрреволюционных восстаний против победивших парижских санкюлотов.

Вполне естественно, что совершенно неудовлетворенный результатами 2 июня Варле принял самое горячее участие в борьбе, начавшейся (между якобинцами и бешеными почти сразу же после их совместной победы над жирондистами. Однако не следует думать, что единственной причиной этой борьбы было нежелание якобинцев немедленно приступить к проведению тех практических мероприятий, которых требовали от них «бешеные». Это нежелание объяснялось более глубокими мотивами.

«Камилль Демулен, Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст, Наполеон, как герои, так и партии и народные массы старой французской революции, - писал К.Маркс, - осуществляли в римском костюме и с римскими фразами на устах задачу своего времени - освобождение от оков и установление современного буржуазного общества... В классически строгих традициях Римской республики гладиаторы буржуазного общества напиши идеалы и художественные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии»²².

Если, как указывал Маркс, содержание всей деятельности монтаньяров являлось буржуазно-ограниченным, то, как мы уже отмечали, совершенно иначе обстояло дело с теми плебеями, которые, по словам Энгельса, одни только и совершили революцию²³.

В этой противоположности между буржуазно-ограниченным пониманием задач революции монтаньярами и плебейским пониманием этих задач бешеными и заключалась главная причина тон борьбы между ними, которая с такой силой разгорелась летом 1793 г. Ближайшим поводом для нее явилась выработка так называемой Конституции 1793 года - того документа, который должен был в наиболее полном виде сформулировать как цели, так и результаты происходившей революции.

В.И.Ленин говорил: «Возьмите великую французскую революцию. Она не даром называется великой. Для своего класса, для которого она работала, для буржуазии, она сделала так много, что весь XIX век... во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии, интересам которой они служили, хотя они этого и не сознавали, прикрываясь словами о свободе, равенстве и братстве...

Всякий, сознательно относящийся к истории, скажет, что французская революция, хотя ее и разбили, все-таки победила, потому что она всему миру дала такие устои буржуазной демократии, буржуазной свободы, которые были уже неустранимы»²⁴.

Среди этих устоев буржуазной демократии на первом месте, без всякого сомнения, стоит якобинская конституция 1793 г., являвшаяся одной из наиболее демократических среди буржуазных конституций. Но все же демократизм конституции 1793 г. был формальным, не гарантировал реальной возможности осуществления провозглашенных прав граждан. И хотя в отличие от большинства других буржуазно-демократических конституций, конституция 1793 г., наряду со свободой слова, собраний, печати и т.д., провозглашала еще и право граждан на сопротивление угнетению (ст.33 Декларации прав), на получение общественной помощи (ст.21) и на образование (ст.22), все же при сохранении этой конституцией «священной и неприкосновенной» частной собственности на средства производства, а стало быть и возможности эксплуатации человека человеком эти права неизбежно оказывались иллюзорными. Иначе, собственно, и быть не могло, поскольку целью Французской революции было вовсе не полное уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, а лишь замена «одного эксплуатирующего меньшинства другим эксплуататорским меньшинством»²⁵.

Именно эта сторона конституции 1793 г. и вызвала протесты со стороны тех элементов французского общества того времени, которые и самому своему положению стремились к уничтожению не только феодальной, но и всякой эксплуатации вообще. Но, разумеется, нельзя было ожидать, чтобы плебейские массы Франции XVIII в., еще не ставши классом для себя, могли этот свой протест против буржуазной ограниченности конституции 1793 г. выразить сколько-нибудь ясно и отчетливо. «Чего они хотели, - заметил Энгельс, - никто сказать не мог до тех пор, пока... Бабеф не придавал этому определенную форму»²⁶.

Протест плебейских масс против ряда положений конституции 1793 г. был по своей внешней форме крайне расплывчатым. Но именно таким протестом явилось знаменитое выступление вождя «бешеных» Жака Ру перед решеткой Национального Конвента 25 июня 1793 г.

Еще за пять дней до этого Жак Ру на заседании Кордельерского клуба предложил дополнить обсуждавшийся в Конвенте проект конституции статьей, говорящей, что «нация защищает свободу торговли, но она карает смертью ажиотаж и ростовщичество». Требуя как будто только запрещения спекуляции, «бешеные» в действительности имели в виду нечто гораздо большее, а именно: ликвидацию условий, создающих возможность эксплуатации человека человеком.

Предложение Жака Ру было принято кордельерами, и их клуб решил сообщить Коммуне свое постановление посредством специальной делегации²⁷. Мотивируя на следующий день в Коммуне свое предложение, Жак Ру выразил сожаление, что в конституции нет статьи, запрещающей спекуляцию и эксплуатацию бедных богатыми. Он рекомендовал обратиться к Конвенту с петицией о декретировании в качестве одной из статей конституции, что свобода не заключается в праве морить голодом себе подобных²⁸. Коммуна отвергла это предложение, но Кордельерский клуб подтвердил свое согласие поддержать его перед Конвентом. Для редактирования представленного Жаком Ру проекта петиции была создана комиссия, в которую вошли также Варле и Леклерк²⁹. Петиция была поддержана общими собраниями секций Гравилье и Бонн-Нувель, а вечером 23 июня ее согласился поддержать и Якобинский клуб³⁰.

Как известно, в ответ на петицию 25 июня монтаньяры нанесли «бешеным» тяжелый удар. Он, естественно, затронул также и Варле, который участвовал в редактировании петиции и вместе с Леклерком призывал народ организовать массовое шествие к Конвенту, чтобы поддержать петицию Ру³¹. Если Варле и не был исключен, подобно Жаку Ру и Леклерку, 30 июня из Кордельерского клуба, то объясняется это только тем, что клуб считал, что этот молодой человек легкомыслен, но сердце у него доброе. К тому же он оказал революции много услуг, и клуб не забыл, что он имел смелость поучать и просвещать народ на общественных площадях³². При всем том Варле было временно запрещено присутствовать на заседаниях кордельеров; решено было также проверить его в комиссии по чистке³³.

3

Подъем массового движения в августе - сентябре 1793 г. привел к активизации деятельности «бешеных», в том числе и Варле. Как известно, на бурные события 4-5 сентября, вынудившие Национальный Конвент сделать ряд весьма существенных уступок парижским революционным массам, монтаньяры по предложению Дантона ответили декретом 5-9 сентября о сокращении числа секционных заседаний до двух в неделю³⁴. Это решение встретило самое ожесточенное противодействие со стороны «бешеных». На первый взгляд их недовольство может показаться непонятным: ведь одновременно с сокращением числа секционных заседаний вводилась оплата за их посещение, причем плату эту получали «граждане, не имеющие других источников существования, кроме поденной заработной платы»³⁵, т. е. как раз те элементы, интересы которых «бешеные» выражали. Но дело было в том, что эта сторона декрета представляла только дымовую завесу и, как это совершенно ясно видно из речей Дантона и Базира в Конвенте 5 сентября³⁶, подлинный смысл декрета заключался в стремлении к ограничению политической роли секции. Наиболее революционные секции Парижа поняли это и ответили решительным протестом³⁷. 15 сентября против декрета выступили секции Гагуши³⁸, Общественного договора, Рынка³⁹. Друзей отечества⁴⁰ и Хлебного рынка⁴¹.

17 сентября в Национальном Конвенте от имени 48 секций Парижа выступил Варле. «Этот декрет, - заявил он, - противоречит Конституции и Декларации прав человека. В момент крайнего обострения грозящей революции опасно недопустимо уничтожить перманентность секционных собраний, а назначение платы за исполнение того, что является лишь общественным долгом каждого гражданина, унижает малосостоятельных граждан и означает не что иное, как фактическое восстановление разделения граждан на два разряда. Граждане, - закончил Варле свою речь, - парижские санкюлоты, в пользу которых этот декрет был издан, требуют его отмены»⁴².

Выступление Варле было встречено Конвентом крайне враждебно. Следует помнить, что Жак Ру в это время уже сидел в тюрьме и как раз накануне, 16 сентября, в Якобинском клубе была начата настоящая кампания против него, Леклерка и Лакомб⁴³. Дантонист Базири, отвергнув сначала основные доводы петиции (он доказывал, что декрет 5-9 сентября полезен, поскольку дает бедным равную с богатыми возможность участвовать в секционных собраниях), обрушился затем на самого петиционера: «Я должен по совести сказать, что Варле, оратор депутации, крайне неосторожный молодой человек; если даже он и не подкуплен аристократией, то все же был изгнан из Якобинского клуба. Я обвиняю его в том, что он совместно с Жаком Ру повторяет аббата Ройу. Я предлагаю передать петицию на рассмотрение Комитета общественной безопасности»⁴⁴.

Примерно в таком же духе высказался и Робеспьер, повторивший многие аргументы Базира: «Только что представленная нам петиция продиктована во всяком случае не народом, ибо народ, наоборот, просил об издании декрета, против которого сейчас протестуют. Граждане, мы уже знаем по опыту, что некоторые интриганы лишь для того требуют предоставления народу неограниченных прав, чтобы на самом деле уничтожить его власть»⁴⁵.

Следующий оратор - Жанбон Сент-Андре высказал предположение, что петиция Варле инспирирована жирондистами, и по его предложению, поддержанному также Робеспьером, Конвент оставил петицию без внимания и перешел к очередным делам. Но этим дело не ограничилось. Базир выразил удивление, почему Варле не находится на фронте, а какой-то другой депутат предложил немедленно арестовать его. Предложение было, однако, отвергнуто Конвентом «из уважения к свободе петиций»⁴⁶.

Невзирая на это решение Конвента, уже на следующий день, 18 сентября, Комитет общественной безопасности постановил арестовать Варле и соответствующий приказ был подписан Буше Сен-Совером, Леба, Лавиконтери, Жюффруа, Вулланом и Вадье⁴⁷. 19 сентября полицейский комиссар секции Прав человека (где проживал Варле) в сопровождении представителя Комитета общественной безопасности отправился на квартиру Варле. Не найдя его дома, он наложил на квартиру печати⁴⁸. Арестованный вскоре Варле был заключен в тюрьму Маделоннет.

Как и следовало ожидать, арест Варле вызвал негодование его секции. На заседании 3 октября⁴⁹ общее собрание секции Прав человека постановило поручить своему революционному комитету отправить в Комитет общественной безопасности делегатов с просьбой об освобождении Варле⁵⁰. Так как это не помогло, революционный комитет секции Прав человека на заседании 9 октября снова вернулся к вопросу о Варле.

«Один из членов комитета, - говорится в протоколе, - излагает сведения, которые ему совместно с его коллегами было поручено собрать о гражданине Варле. Из его сообщения видно, что гражданин Варле посещает немногих людей и притом исключительно патриотов; существует он на 5800 ливров, составленных из дохода от полученного им от родителей наследства и жалованья за службу в почтовом ведомстве.

Комитет, заслушав доклад своих комиссаров, постановляет:

Переслать доклад в Комитет общественной безопасности Национального Конвента вместе с просьбой освободить гражданина Варле, которого Комитет считает добрым республиканцем.

Просить Комитет общественной безопасности вызвать к себе гражданина Варле, дабы строжайшим образом внушить ему не показываться более в общественных местах и не пропагандировать там взглядов, которые хотя и соответствуют духу революции, но могут вместе с тем вызывать сборища.

С этой целью комитет выбирает в качестве своих комиссаров граждан Жерве и Лудайля»⁵¹.

Как видно из протокола, революционный комитет секции Прав человека, хотя и ходатайствовал об освобождении Варле, вместе с тем не решался взять на себя ответственность за его политическую линию. Надо думать, эта осторожность объясняется тем, что данное постановление было принято не общим собранием секции, а ее революционным комитетом. Между тем известно, что по закону 5 сентября 1793 г. революционные комитеты парижских секций были подчинены Парижской коммуне, которая имела даже право смещать их членов и назначать новых. Не удивительно, что Варле, говоря о мерах, принятых секцией для его освобождения, имел основание жаловаться на их неопределенность⁵². С другой стороны, ясно, что подобное ходатайство в защиту Варле не могло привести к сколько-нибудь серьезным результатам. И действительно, его единственным следствием было то, что Комитет общественной безопасности 20 октября 1793 г. разрешил достать из опечатанной квартиры Варле необходимое ему белье, деньги и другие вещи⁵³.

Но если революционный комитет секции Прав человека лишь в самой осторожной форме ходатайствовал об освобождении Варле, то масса граждан секции пошла значительно дальше. Из дошедшего до нас протокола от 20 октября заседания Общества друзей закона, свободы, равенства и человечества, помещающегося в доме № 17 по улице Вер-Буа, мы узнаем, что в этот день общее собрание и народное общество секции Прав человека обратились к Обществу улицы Вер-Буа с просьбой поддержать их ходатайство об освобождении Варле⁵⁴. Было бы, конечно, чрезвычайно важно узнать мотивы, в силу которых секция Прав человека обратилась за помощью именно к Обществу улицы Вер-Буа, тому самому Обществу, которое столь враждебно относилось к другому вождю «бешеных» - Жаку Ру. К сожалению, наши источники об этом умалчивают, и единственное, что мы знаем, это то, что Общество улицы Вер-Буа на призыв секции Прав человека ответило весьма холодно. Как гласит протокол его заседания, Общество улицы Вер-Буа постановило:

«Избрать двух комиссаров, которые отправятся в секцию Прав человека, выразят ей в отношении гражданина Варле те самые чувства, которые одушевляют секцию, и сообщат, что Общество не имеет в своем распоряжении никаких данных, могущих быть направлены против гражданина Варле»⁵⁵.

Этот ответ не ослабил, однако, энергии секции Прав человека. Вопрос о Варле был снова поставлен на общем собрании 26 октября. Было принято решение объявить, что секция берет Варле «под свою непосредственную защиту и ответственность»⁵⁶.

Друзья и единомышленники Варле имелись не только в рядах его секции. 29 октября многие граждане различных секций Парижа обратились в Комитет общественной безопасности Конвента с общим ходатайством об освобождении Варле. Среди подписавшихся под ним мы находим: гражданина секции Бонн-Нувель и члена Якобинского клуба Ферье (Ferrier или Ferrien), члена Якобинского клуба из секции Монмартрского предместья Ф.Лешара⁵⁷, «отца, избирателя и члена Коммуны 10 августа» Вассеро или Вассо (Vasseaux или Vasseaux)⁵⁸, члена Якобинского клуба из секции Музея К.Лишара (Claude Lichard), Клармарона из секции Гравилье и Жери из секции Прав человека.

Ходатайство друзей Варле начинается с указания на то, что, не желая брать на себя защиту гражданина, не убедившись предварительно в том, что дело его правое, они обратились ко всем тем, кто, по-видимому, в состоянии выдвинуть против Варле какие-то обвинения, и, в частности, к Дюфурни и Флорио. Но Флерио не смог сказать о Варле ничего конкретного и лишь заявил, что «в политических вопросах он ему не доверяет», а Дюфурни на сделанный ему запрос вообще ничего не ответил. Кроме этих двух лиц, авторы ходатайства обращались еще к славному отцу Дюшену, т.е. к Эберу, прося его опубликовать в своей газете все, что ему известно плохого о Варле. «Его молчание доказывает, что он не может обвинить его ни в чем, кроме излишка рвения»⁵⁹.

После этого введения друзья Варле излагают свое собственное мнение о нем. «Что касается нас, следивших за Варле в течение всей революции, то мы можем засвидетельствовать, что намерения его чисты, что он живет только для торжества свободы и готов пожертвовать ради нее всем, включая свою жизнь. Если бы вы заинтересовались его поведением в почтовом ведомстве, вы узнали бы, что он один, невзирая на угрозы находившихся там контрреволюционеров, с достойной храбростью доносил о преступной корреспонденции той фракции, которая теперь скоро получит по заслугам. Полные уверенности в справедливости законодателей, мы сообщаем им все эти факты, чтобы осветить им поведение гражданина».

Результатом ходатайств от 26 и 29 октября было постановление Комитета общественной безопасности от 30 октября о просмотре бумаг Варле, опечатанных на его квартире. Произведенный 1 ноября комиссарами революционного комитета секции Прав человека в присутствии самого Варле просмотр, сопровождавшийся составлением подробной описи всего найденного, дал самые благоприятные для Варле результаты. Комиссары констатировали, что «все сочинения Варле проникнуты чистейшим патриотизмом и пламенной любовью к отечеству»⁶⁰. Тем не менее Варле оставался в тюрьме. Там он написал брошюру под названием «Заклученный апостол свободы - своим свободным согражданам». К ней был приложен протокол просмотра его бумаг⁶¹.

Брошюра Варле начиналась с обращения к парижанам, которых он просил стать его общественными судьями. Напоминая о своем поведении в предыдущие годы революции, Варле видел в нем свидетельство своей правоты и в настоящий момент. Варле заканчивал брошюру словами:

«Я не могу быть подозрительным. Я либо заговорщик, либо патриот. Справедливости, справедливости - вот чего я жду от вас, о мои сограждане! Свобода или смерть!»⁶²

Освобождение Варле было, однако, гораздо ближе, нежели он, по-видимому, сам предполагал. В это время эбертисты готовились к решительному столкновению с робеспьеристами. Эбертистам нужно было привлечь к себе симпатии всех, кто мог стать их союзниками. Поэтому Эбер и его единомышленники, которые всего лишь за два месяца до этого нападали на «бешеных», выступили теперь в качестве пламенных защитников Варле. Протокол заседания Парижской коммуны 12 ноября гласит:

«Один член напоминает Совету, что патриот Варле все еще арестован, и так как обстоятельства, которые могли мотивировать подобную меру в отношении этого гражданина, более не существуют, было бы справедливо его освободить».

Заместитель прокурора Коммуны (Эбер) берет слово и воздает Варле ту справедливость, которую последний, по мнению Эбера, заслужил. По его предложению Совет постановляет избрать двух комиссаров, которым поручается добиться быстрого суда над Варле и его освобождения в том случае, если против него не выдвинуто никаких тяжких обвинений. Для исполнения этого поручения избираются Бернар и Эбер⁶³. Если Комитет общественной безопасности мог долгое время оставаться глухим к требованиям секции Прав человека и отдельных граждан, то с Коммуной в момент наивысшего подъема влияния эбертистов робеспьеристы ссориться не хотели. Через два дня постановлением Комитета общественной безопасности от 14 ноября Варле был освобожден⁶⁴. Секция встретила его с большой теплотой⁶⁵.

4

О деятельности Варле после его освобождения из тюрьмы судить трудно из-за отсутствия источников, но общая характеристика поведения Варле в это время все же может быть дана.

Как известно, монтаньяры после выступления народных масс Парижа 4-5 сентября 1793 г. оказались вынужденными перейти к «плебейским методам» (Маркс) буржуазной революции, нашедшим свое законодательное оформление в системе революционного порядка управления и в революционном терроре. Однако представляемая якобинцами наиболее революционная часть французской буржуазии, вынужденная под давлением своих плебейских союзников пойти на принятие всеобщего максимума и удовлетворение ряда других их требований, вместе с тем воспользовалась этими уступками для того, чтобы оторвать массы плебеев от их авангарда - «бешеных» и затем разгромить этих последних. Средством для этого послужили те самые «террористические» законы (в частности, закон о подозрительных), которые были приняты под давлением «бешеных». Теперь в руках монтаньяров эти законы явились сильным оружием для расправы с их противниками не только справа, но и слева. В ответ на это «бешеные», до тех пор бывшие самыми яркими сторонниками массового революционного террора, решительно выступили против «революционного порядка управления» и непосредственно связанного с ним якобинского террора, требуя немедленного введения в действие демократической конституции 1793 г.

Объективная ошибочность такой тактики «бешеных» совершенно очевидна. Система «революционного порядка управления» и массового террора якобинцев была не чем иным, как революционной диктатурой в лучшем смысле этого слова. А между тем, как говорит В.И. Ленин, кто не понял необходимости диктатуры любого революционного класса для его победы, тот ничего не понял в истории революций или ничего не хочет знать в этой области «бешеные», отражая незрелость плебейских масс Франции конца XVIII в., этого понять не смогли. Они оказались не в состоянии провести различие между самой идеей революционной диктатуры и тем невыгодным для плебейских масс применением, которое давали этой диктатуре классово ограниченные буржуазные демократы - якобинцы.

Выступления «бешеных» против «революционного порядка управления» и террора вели к такому полному и решительному разрыву их с монтаньярами, из которого в условиях революционной диктатуры 1793-1794 гг. могло быть только три выхода: либо гильотина, либо уход в подполье, либо, наконец, полное прекращение политической деятельности. Такие близкие к бешеным люди, как Легрэ⁶⁷, перешли к подпольной деятельности; Варле (как Леклерк и Клара Лакомб) выбрал путь отказа от активной политической деятельности. «Все то время, пока продолжались угнетение и издевательства, производимые якобы во имя гуманности, - писал он впоследствии, уже во время термидорианской реакции, - я, глубоко страдая, оставался тем не менее спокоен и сохранял полное молчание... Если мои сограждане будут упрекать меня за это, пусть они прежде всего упрекут самих себя. Я молчал, потому что в противном случае мне пришлось бы бороться с честолюбцем, который подавил бы меня своей огромной популярностью. Я молчал, потому что губить себя без всякой надежды на успех не значит принести пользу своей родине. Слишком большая энергия является мальчишеством, храбрость без надежды на успех является преступлением»⁶⁸.

Варле не сразу пришел к такому выводу. На следующий день после своего освобождения он явился в Коммуну с просьбой разрешить ему установить на общественной площади трибуну, с которой он мог бы поучать народ. Однако это предложение не встретило сочувствия, причем особенно энергично восстал против него не кто иной, как Шометт⁶⁹. Весьма вероятно, что именно это выступление Шометта, особенно неожиданное после поведения Эбера за три дня перед тем, и было тем толчком, который определил дальнейшее поведение Варле. Во всяком случае с этого времени почти не слышно о деятельности Варле, и первые серьезные упоминания источников о нем относятся уже ко времени после 9 термидора. Но мы имеем все основания полагать, что, подобно Жаку Ру и прочим «бешеным», Варле оставался и в тот период решительным противником системы «революционного порядка управления» и террора.

Вспоминая впоследствии о своей деятельности осенью 1793 г., Варле с полным основанием утверждал, что его выступление 17 сентября 1793 г. было не чем иным, как борьбой с революционным порядком управления при самом его зарождении⁷⁰. Да и впоследствии, говорит он в другом месте, я не имел никакого отношения к революционному порядку управления, не считая лишь тех моментов, когда я с ним боролся⁷¹. Отрицательное отношение Варле распространялось и на монтаньярскую политику террора.

«Я всегда был в решительной оппозиции к системе и законам революционного порядка управления, - писал впоследствии Варле. - Более того, выражение, что я был в оппозиции к системе террора, недостаточно точно выражает мою мысль. Я всегда ненавидел террористические декреты, ужасная тяжесть которых нависла над всеми. Существуют почетные доказательства моей энергии в борьбе с народоубийственными законами. Хотя эти законы и были направлены против заговорщиков из среды дворян и духовных, я всегда считал, что республика может быть основана лишь на принципе гуманности. В мои принципы никогда не входило наносить удар побежденному и обезоруженному врагу»⁷².

Нет надобности доказывать глубокую ошибочность этих заявлений Варле. Подобные взгляды были, однако, характерны не для одного только Варле и не для одних только «бешеных». Они были обусловлены характерной для Франции конца XVIII в. незрелостью плебейских масс. Даже Бабеф, по крайней мере до конца 1795 г., стоял на антиякобинских позициях, и лишь дальнейшие перипетии заставили его изменить свою точку зрения и горько пожалеть о своей былой враждебности к Робеспьеру. Эта новая позиция Бабефа явилась следствием жестоких уроков жерминальского и прериальского (1 апреля и 20 мая 1795 г.) восстаний и знаменовала собой подъем идеологии плебейского движения на новую ступень качественно отличную от той, на которой его главными представителями были «бешеные».

Примечания

1 В.И.Ленин. Соч., т.12, стр. 298.

2 К.Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1958, стр.408.

3 К.Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр.408.

4 К.Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т.2, стр.132.

5 См., например, брошюру: «J.Varlet a ses chers concitoyens des tribunes et des Jacobins». Paris, s. d. - Bibliotheque Nationale, Ln²⁷ 20067. См. также: F.A.Aulard. La Societe des Jacobins. Paris, 1889-1897, t.III, p.627-628.

6 См. Я.М.Захер. Последний период деятельности Жака Ру. - «Французский ежегодник» Института истории АН СССР (находится в печати).

7 Ср., например, постановление общего собрания секции Прав человека 26 октября 1793 г.: «Extrait des registres des deliberations de l'assemblee de la Section des droits de homme du cinq du Deuxieme mois de la seconde de la Republique Francaise une et indivisible (орфография подлинника). - Archives Nationales, F⁷ 4775⁴⁰, dossier Varlet.

8 В то время как преобладающую часть населения секции Гравилье составляли представители плебейских масс, в секции Сицилийского короля проживало значительное количество аристократов, владельцев роскошных особняков и отелей, а также крупных буржуа. Что касается плебейской части жителей секции, то они в 1791 г. состояла из 1028 рабочих, занятых в 67 предприятиях, т.е. в среднем 15,3 человека на предприятие (средняя цифра в это время по Парижу 16,6 человека). Значительную часть рабочих секции Сицилийского короля составляли каменщики, влачившие самое жалкое существование. Подробнее см. F.Braesh. La commune du 10 aout 1792, etude sur l'histoire de Paris du 20 juin au 2 decembre 1792. Paris, 1911, p.25-26; его же. Essai de statistique de la population ouvriere de Paris vers 1791. - La Revolution Francaise, t.63. Paris, 1912, p.314-315.

9 J.Varlet. Declaration slennelle dee Droits de l'Homme dans l'etat social. L'an premier de la verite. 1793, 2-e de la Republique Francaise. - Bibl. Nat., Lb⁴¹ 2979.

10 Plan d'une nouvelle organisation de la societe mere des Amis de la Constitution, suivi de la religion du philsof. Dedie aux indigens par J.Varlet, Aptre de l'egalite. A Paris, l'an quatrieme de la liberte. - Bibl. Nat., Lb40 2278.

11 Ibid, p.8.

12 Ibid, p.7-8.

Ibid, p.49.

14 Именно Варле был автором петиции с ходатайством о низложении Людовика XVI и созыве Национального Конвента, представленной Законодательному собранию 6 августа, подписи под которой занимали 56 страниц. - «Voeux formes par des francais libres, ou petition manifeste d'une partie du souverain a ses delegates pour etre signee sur l'autel de la patrie et presentee le jour ou people se levera enmasse pour resister a l'oppression avec les seules armes de la raison». - Bibl.Nat., Lb³⁹10728.

- 15 «Projet d'unmandat special et imperatif aux mandataires du peuple a la Convention Nationale». - «Archives parlementaires», t.LIV p.719-722.
- 16 Arch.Nat., BI 14. Цит. по статье: A.Soboul. Aspects politiques de la democratie sans-culottes rn l'an II. - «La Pensee», 1957, № 71, p.24.
- 17 Bibliotheque Victor Cousin, ms.120. - Ibid., p.25-26.
- 18 «Archives parlementaires», t.LIV, p.719.
- 19 Ibid, p.720.
- 20 Ibidem.
- 21 Ph. J.B.Buchez, P.C.Roux. Histoire parlementaire de la Revolution Francaise, ou journal des Assemblees nationales depuis 1789 jusqu'en 1815..., t.1-35. Paris, 1834-1838, t.XXVII, p.235.
- 22 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.8, стр.120.
- 23 См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные письма, стр.408.
- 24 В.И.Ленин. Соч., т.29, стр.342.
- 25 В.И.Ленин. Соч., т.28, стр.53. О крайне широком понимании права собственности в конституции 1793 г. см. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.1, стр.401.
- 26 К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные письма, стр.409.
- 27 «Correspondance politique», 22.VI.1793. Цит. по: А.Матьез. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М.- Л., 1928, стр.163.
- 28 Там же, стр.163-164.
- 29 Там же, стр. 164
- 30 Якобинцы, видимо, скоро одумались. Во всяком случае, на заседании Конвента Жак Ру о них не упоминал. См. «Adresse presentee a la Convention Nationale au nom de la section des Gravilliers, de Bonne-Nouvelle et du Club des Cordeliers, par Jacques Roux, officier municioal de Paris, electeur du departament et member du Club des Cordeliers, redacteur de l'adresse et orateur de la deputation». Тексты этой петиции, содержащиеся в «Moniteur», «Archives parlementaires» и издании Buchez et Roux, представляют собой конспект, весьма существенно отличающийся от оригинала. Подлинный текст петиции содержится в рукописи, находящейся в картоне W20 Arch.Nat., и перепечатан без изменения в изданной вскоре после того Жаком Ру брошюре, экземпляр которой имеется в том же картоне. Брошюра эта была перепечатана А.Матьезом в «Annales Revolutionnaires», 1914.
- 31 «Correspondance politique», 22.VI.1793.
- 32 Из доклада Колло д'Эрбуа на заседании Якобинского клуба 1 июля. - A.Aulard. Le Societe des Jacobins, t.V, p.283.
- 33 Ph. J.B.Buchez, P.C.Roux. Histoire parlementaire..., t.XXVIII, p.231.
- 34 Текст этого декрета см. «Archives parlementaires», t.LXXIII, p.601.
- 35 Ibidem.
- 36 Ibid., p.415.
- 37 Любопытно, что даже в секции Пик, находившейся под исключительны влиянием Робеспьера, раздавались голоса против декрета 5-9 сентября. См. сообщение секретного агента Ле Аривелля (Le Harivel) от 12 сентября 1793 г. - P.Caron. Paris pendant la terreur, t.I. Paris, 1910, p.77.
- 38 Moniteur, t.XVII, p.669.
- 39 A.Aulard. Le Societe des Jacobins, t.V, p.283.
- 40 P.Caron. Paris pendant la terreur, t.I, p.76.
- 41 A.Aulard. Le Societe des Jacobins, t.V, p.405.
- 42 «Archives parlementaires», t.LXXXIV p.311.
- 43 A.Aulard. Le Societe des Jacobins, t.V, p.406-408; Moniteur, t.XVII. p.694-696.
- 44 «Archives parlementaires», t.LXXXIV p.311-312.
- 45 «Archives parlementaires», t.LXXXIV p.311-312.
- 46 Ibid., p.313.
- 47 «19 septembre 1793. Copie des process-verbaux d'apposition et de levee des sceles chez le C.Varlet». - Arch.Nat., F7 4775. Арест мотивировался тем, что Варле - лицо будто бы подозрительное, стремящееся возбудить народное восстание. - «L'apotre de la liberte. Prisonnier, a ses concitoyens libres», p.5. - Bibl.Nat., Ln²⁷ 20065.
- 48 «19 septembre 1793. Copie des process-verbaux». - Arch.Nat., F7 4775.

- 49 В протоколе заседания сказано «четверг, 3 сентября 1793 г.», но это явная опечатка, так как четвергом было не 3 сентября, а 3 октября 1793 г.
- 50 «Du register de l'assemblee generale des droits de l'homme». - Arch.Nat., F⁷ 4775.
- 51 «Extrait des arêtes du Comite Revolutionnaire de la Section des droits de l'homme. Séance du 8-me de la second decade du p-er mois de l'an 2 de la Republique». -Arch.Nat., F⁷ 4775⁴⁰.
- 52 «L'apotre de la liberte. Prisonnier, a ses concitoyens libres», p.5. - Bibl.Nat., Ln²⁷ 20065.
- 53 «Convention Nationale. Comite de Surete Generale et de surveillance de la Convention Nationale. Du 29 jour du 1-er Mois 1793, l'an second de la Republique Francaise une et indivisible». - Arch.Nat., F⁷ 47754.
- 54 «Societe des amis de laloi. De la liberte, de l'egalite et de l'humanite. Senate rue de Vert-Bois, N 17. Séance du 29 jour du 1-er mois de l'an 2 de la Republique Francaise une et indivisible». - Arch.Nat., F⁷ 4775.
- 55 Ibidem. Любопытно отметить, что, несмотря на такое свое отношение к «бешеным» перед 9 термидора, после этого дня Общество улицы Вер-Буа сразу же стало на сторону Электорального клуба. - «Journal de la liberte de la presse», № 13, p.5.
- 56 «Extrait des arêtes du Comite Revolutionnaire de la Section des droits de l'homme. Séance du 8-me de la second decade du p-er mois de l'an 2 de la Republique». -Arch.Nat., F⁷ 4775⁴⁰.
- 57 Возможно, это тот Лешар, который в июне 1793 г. обратился с воззванием «К обманутым гражданам нескольких департаментов», зачитанным в Якобинском клубе 14 июня 1793 г. См. A.Aulard. Le Societe des Jacobins, t.V, p.255-259.
- 58 В приводимом в книге F.Braesh. La Commune du 10 aout 1792, p.263, списке членов Коммуны 10 августа имеется 66-летний Жан Франсуа Вассо из секции Монмартрского предместья. Возможно, что это то самое лицо, которое в данном случае ходатайствовало за Варле.
- 59 «Paris, ce 8-me jour du la 2-me annee de la Republique Francaise une et indivisible». - Arch.Nat., F⁷ 4775⁴⁰.
- 60 Arch.Nat., F⁷ 4775⁴⁰.
- 61 «L'apotre de la liberte. Prisonnier, a ses concitoyens libres», p.5. - Bibl.Nat., Ln²⁷ 20065.
- 62 Ibid., p.11-12.
- 63 «Commune de Paris, le 2-me jour de la 3-me decade du mois Brumaire. Extrait du register des deliberations du Conseil General». - Arch.Nat., F⁷ 4775⁴⁰.
- 64 60 Arch.Nat., F⁷ 4775⁴⁰.
- 65 «Comite Revolutionnaire. Section des Droits de l'Homme. Le 24 Brumaire de l'an 2 de la Republique Francaise une et indivisible». - Arch.Nat., F⁷ 4775⁴⁰.
- 66 В.И.Ленин. Соч., т.31, стр.314.
- 67 О Леррэ см. A.Matiez. L'affaire Legray. - «Annales Historiques de la Revolution Francaise», 1927, p.305-319; p.Caron. Sur l'opposition de gauche a la veille du 9 thermidor. - Ibid., 1947, p.322-325.
- 68 «Le citoyen Varlet prisonnier a la force en response a ses motifs d'arrestation». - Arch.Nat., F⁷ 4775⁴⁰.
- 69 «Moniteur», t.XVIII, p.433.
- 70 «Le citoyen Varlet prisonnier a la force en response a ses motifs d'arrestation». -Arch.Nat., F⁷ 4775⁴⁰.
- 71 «Gare l'exlosion», p.67. - Bibl.Nat., Lb⁴¹ 1330.
- 72 «Le citoyen Varlet prisonnier a la force en response a ses motifs d'arrestation». -Arch.Nat., F⁷ 4775⁴⁰.